

Веронезе. «Венера у зеркала». Омаха, Художественный музей Джослина

Тинторетто. «Даная». Лион, Музей изящных искусств

Тициан. «Даная». Мадрид, Музей Прадо

Тициан. «Святой Иероним». Мадрид, Музей Тиссена-Борнемисы

Тинторетто. «Святой Иероним». Вена, Художественно-исторический музей

Веронезе. «Святой Иероним». Венеция, Галерея Академии

Якопо Бассано. «Святой Иероним». Венеция, Галерея Академии

гонные метры расписных холстов не появлялись бы с такой выгодной скоростью), но достаточно характеризует нрав Тициана, человека гордого и неуступчивого, который потом с мстительным удовольствием наблюдал за тем, как успехи Тинторетто омрачают постепенный восход третьей знаменитости в лице Веронезе.

С другой стороны, соперники в ренессансной Венеции — это по определению не то же самое, что соперники, допустим, в ренессансном Риме. Или другой монаршей столице. Когда король или папа делает заказ художнику, это самым естественным образом повышает статус живописца при дворе, и чем больше заказов, чем они престижнее, тем выше акции. В том же Риме, как известно, первые художники эпохи в этих видах пускались иногда в совершенно макиавеллиевские интриги, стратегия которых, тем не менее, была ясна и понятна. В Венеции с ее республиканским строем все было иначе. Написать портрет дожа — это, конечно, почет,

но несколько эфемерный: дожи, которыми чаще всего становились люди весьма престарелые, были настолько скромными по своим полномочиям и политическому весу фигурами, что нынешняя английская королева выглядит по сравнению с ними восточным деспотом. А власть была не единоличной — корпоративной, ею распорядилась аристократия, причем это не зная в обычном для остальной Европы феодально-рыцарском понимании, а олигархии, хотя многие из них вели свою родословную века эдак с восьмого. Частный заказ (или хотя бы заказ одной из «скуол», благотворительных братств, в которые объединялись уважаемые горожане) иногда мог быть не только более выгодным, но и более престижным, нежели заказ государства. Это как бы вольное государство вдобавок очень любило секретность и сложно выстроенные системы сдержек и противовесов — по всей видимости, развлекавшая жизнь Венеции вплоть до самых фривольных подробностей кон-

тролировалась, а отчасти даже и организовывалась бдительными чиновниками республики, у которых на все были свои, часто секретные резоны. В делах искусства государство, надо думать, тоже руководствовалось какими-то хитроумными и не всегда очевидными мотивами. Достаточно вспомнить росписи Палаццо дождей. Тициан жил страшно долго, около ста лет, но все же не успел застать тот славный для венецианской художественной общественности момент, когда восстанавливаемые после страшного пожара интерьеры дворца стали приобретать нынешний вид. Что на самых видных местах при этом оказались Тинторетто и Веронезе — это понятно, а вот что рядом с ними оказывались посредственности — не очень, на первый взгляд. Однако это, скажем, флотоводец республике был нужен единоличный, а вот что касается главных художников, ей, скорее, шло на руку соперничество, побуждавшее мастеров ревниво оттачивать собственное уникальное совершенство и

потихоньку перенимать друг у друга кое-какие достижения.

Выставка и рассказывает, как это происходило. Полотна группируются по сюжетам, и можно до бесконечности сравнивать в деталях то, как каждый из троих соперников обращался с портретной живописью, с обнаженной натурой, с образами отдельных святых, с темой зеркала и отражения, с мифологическими сюжетами, даже с «портретами» собак. Получается доходчиво, не утомительно и, что самое главное, предельно наглядно — несмотря на то, что многие абсолютно хрестоматийные вещи Тициана, Тинторетто и Веронезе все-таки остаются за пределами выставки, на своих местах в музеях, храмах и дворцах, и даже луврский «Брак в Кане Галилейской» Веронезе ради выставки не сменил своего обычного местопребывания: гигантское многофигурное полотно во всю стену против одной маленькой «Моны Лизы».

Лувр, до 4 января